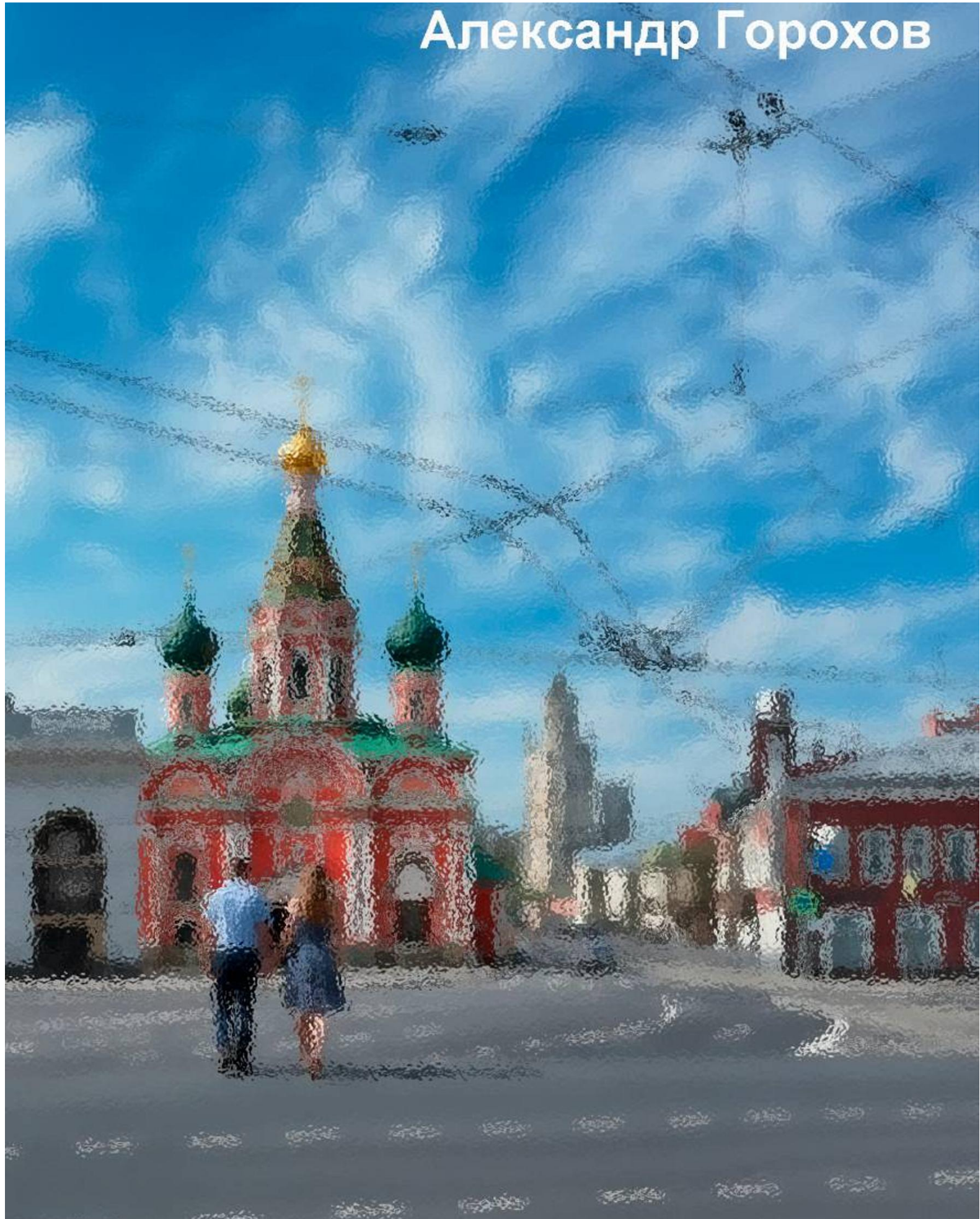

Александр Горохов

Войти дважды

Часть 2

Александр Горохов

Войти дважды. Часть 2

«Автор»

2026

Горохов А.

Войти дважды. Часть 2 / А. Горохов — «Автор», 2026

Павел и Ирина возвращаются из ГДР и сдают отчеты КГБ. Куратор устраивает им жесткие проверки, отправляет на самбо и экстремальное вождение. Важной вехой становится лекция профессора Ивана Пантелеймоновича о скрытых кодах культуры. Рискуя, Павел выдает генералу точный прогноз о смещении Хрущева осенью 1964 года и приходе Брежнева. Герои поступают в МГИМО. После практики и сессии они нелегально проникают на базу подлодок в Балаклаве, сдавая экзамен по водолазному делу. В Болгарии по чужим паспортам они совершают прорыв — начинают мыслить на немецком. После осеннего колхоза и официального смещения Хрущева Павел и Ирина женятся. Перед свадьбой им присваивают звания лейтенантов КГБ и утверждают легенду для внедрения в США. Профессор умирает, оставив Ирине квартиру с золотым тайником. На похоронах генерал раскрывает тайну: криминальный авторитет Дядя Коля — майор КГБ под прикрытием. Молодожены готовятся к заграничной миссии.

© Горохов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Горохов

Войти дважды. Часть 2

ЧАСТЬ 2

1

Первые, кого Павел и Ирина увидели из окна вагона на вокзале, были, конечно, родители. Да, молодежь просила, чтобы не приходили встречать. Говорили, что сами доберутся, но родители есть родители. Мама Павла о чем-то говорила с мамой Иры, отцы тоже переговаривались. Стало понятно, что они за время отсутствия детей познакомились, не раз встречались, и, скорее всего, подружились. Ехать на двух такси домой Ирина и Павел отказались. Сказали, что соскучились по нашему метро и с удовольствием прокатятся, почувствуют его запах, да и не хотят бегать по привокзальной площади, махать руками, ловить такси, потом ехать в разных машинах. Лучше сразу спуститься в метро и по кольцевой, без пересадок, доехать до любимой Таганки. Пройти мимо скульптур воинов на станции, подняться на эскалаторе, выйти к храму «Николы на Болванке», а затем пойти по домам.

— Нет, миленькие наши, мы уже договорились, что едем к нам, — расставила точки над *i* мама Павла. — Мы с Галиной Андреевной приготовили обед. Сначала поедим, вы расскажете о своих впечатлениях, а потом Ирочку с родителями проводим.

Иван Павлович кивком подтвердил слова жены, а родители Ирины засмеялись.

Так и случилось.

Вечером, после рассказов о поездке, о семье, в которой жили, разговоров о новой Германской Демократической Республике, о том, как специалисты из неё сбегают сначала в Западный Берлин, а оттуда в капиталистическую Германию, потому что там, на Западе, оплату за работу сделали выше, чем в ГДР, о том, какая в Германии чистота и порядок и откуда это пошло, о том, как непросто из-за оккупационной зоны в Берлине ходит метро и городская электричка, Иринино семейство стало собираться к себе, а Павел с родителями пошли провожать. Потом втроем погуляли по Москве и вернулись домой.

— Как хорошо дома. Несмотря на заграничный порядок, чистоту, доброе отношение, дома лучше.

— Это точно. Когда после войны вернулся, я каждый вечер, ложась спать, себе говорил: «Какое счастье лечь в свою кровать, на свою простыню, укрываться своим одеялом. Какое счастье, что здесь все говорят на моем языке, смеются моим шуткам и с полуслова понимают. Потом привык, это стало обыденным, а иногда вспомню, и становится тепло», — согласился отец.

А мама обняла своих мужчин, прижалась к ним, сказала: «Вот и сегодня так будет. Чистые простыни, своя постель».

Уже поздно вечером Павел остался один, сел за письменный стол, начал писать отчет. Он хотел сделать его сегодня, чтобы завтра сверить с Ирочкиным и передать полковнику уже выправленным и обобщенным. Отчет получился подробным, кажется, ничего не забыл. Описал все, где были, как к ним относились, как вообще у немцев отношение к СССР и нашим людям. Описал многие нюансы, с которыми наши люди обычно не сталкиваются, и многие особенности, нехарактерные для нас, но принятые там. Отдельно написал про то, что нам не помешало бы перенять и делать здесь, у себя.

2

Полковник забрал документы, долго и внимательно просматривал, даже нет, не просматривал, а изучал. Потом кивнул, что все в порядке, открыл огромный, во всю стену металличе-

ский шкаф, достал из него небольшую коробку, извлек из неё их советские паспорта, вложил заграничные, закрыл ящик, убрал на прежнее место и запер шкаф. Вытащил из ящика стола толстую амбарную книгу. Нашел в ней нужную страницу, раскрыл и приказал расписаться за сданные документы, потом — за полученные. После этого предложил присесть, сам занял место за столом и снова начал изучать отчеты. Время от времени прерывал чтение, снимал очки, внимательно смотрел то на Ирину, то на Павла.

— А в берлинском-то метро хоть прокатились? — спросил Павла, когда, судя по всему, заканчивал чтение.

Павел Иванович ожидал этот вопрос, сделал вид, что задумался, потом посмотрел полковнику в глаза и заговорил:

— Мы в нем, конечно, были и вот чего скажем. Дырявое оно.

— Это что значит? Вода сверху во время дождя капает на пассажиров?

— Вода не капает, а метро дырявое, — улыбнулась Ирина, посмотрела на Павла и кивнула ему, чтобы продолжал.

— Дырявое, товарищ полковник, потому что страны вроде как две, а из Западного Берлина через это метро может в ГДР войти любой, кому не лень. Да, есть КПП, прочие точки, где проверяют документы, а через тоннели можно без особых проблем пройти. Мы специально наблюдали. Мы неприметные школьники, на нас внимание не очень обращали, вот и видели, как из тоннеля по стеночке идет мужичок, возле выхода прижмется к стене, а потом, когда все заняты посадкой в вагон, — шмыг и тут.

— Понятно, какова какова там с цикорием, — полковник уже несколько раз повторял эту свою присказку. Она понравилась ребятам, и они даже ждали, когда он её снова скажет. — Понятненько, но недолго этому решету там осталось. Залатаем. Скоро не будет течь.

— Не только через метро к нам просачиваются. То же самое делают через подземную канализацию, даже через подъезды.

— Есть такие дома, которые одной стороной там, а другой в Восточном Берлине, — добавила Ирина.

Он задумался, снова надел очки и продолжил чтение отчетов.

От нечего делать Ирина и Павел рассматривали кабинет.

Наконец, полковник закончил, сказал: «Молодцы, изложили все четко, конкретно, понятно». Потом на немецком сказал:

— Пройдите, пожалуйста, со мной в другой кабинет.

Вышли, он запер дверь. Долго поднимались по широким лестницам, проходили по коридорам с закрытыми дверями. Вошли в комнату, в которой у противоположных стен стояли по столу и стулу.

— Присаживайтесь, — скомандовал полковник, положил перед ними листы бумаги и карандаши, — будьте любезны, опишите на немецком все, что видели в моем кабинете. Все предметы и вещи. Прошу не советоваться, не подсматривать и не общаться. Приду через пятнадцать минут. За вами будут наблюдать, и нарушение моих требований сразу будет считаться невыполнением задания. Успеха, фрау, успеха, герр.

Ребята такого не ожидали и несколько минут приходили в себя. Потом начали писать. Когда полковник вернулся, листы были исписаны. Полковник бегло просмотрел, усмехнулся и скомандовал:

— Прошу за мной.

Вернулись в его кабинет.

Начался, как потом сказал Павел, разбор полетов. Он зачитывал название предмета, место, где он находился, потом вычеркивал из списка или делал пометки. Одновременно исправлял ошибки в словах. Ошибок оказалось много. Названия некоторых предметов ребята не знали или называли неточно. Были и стилистические ошибки. Тогда полковник зачитывал,

говорил, что это хоть и написано на немецком, но так говорят русские, а немцы говорят, и он произносил, как сказали бы немцы.

И Павел, и Ирина краснели и бледнели от его замечаний, проникались собственной безграмотностью и малограмотностью; было ужасно стыдно и неловко им, считавшим себя отличниками. Полковник показал их реальное положение.

— Да не расстраивайтесь! Не так и плохо для начальной стадии обучения. И с памятью не трагично. Описали почти половину того, что тут есть. — Он обвел рукой комнату. — А что не советовались и не списывали друг у друга, это молодцы вдвойне. Остальное сделают обучение, практика и опыт. Понятно?

— Так точно, — почему-то именно так ответили школьники.

Он засмеялся:

— Ну вот, постепенно приобщаетесь к правилам и порядкам. Генерал распорядился, и пока никаких курсов у вас не будет. Будет только обучение вождению автомобиля и мотоцикла. Через год должны сдать на права. Принимать буду строго. — Он помолчал и добавил, — очень строго. Так что тренируйтесь и обучайтесь всерьез. В самых что ни на есть мерзопакостных обстоятельствах. В гололед, в грязь и туман, на подъемах и спусках, в пробках и так далее, и тому подобное. Требуйте от инструкторов усложнять и усложнять обучение после того, как научитесь азам. Хотя это их обязанность. С них за ваше мастерство тоже будет спрошено. А еще, что у вас будет, — это физическая подготовка. Боевое самбо. Понедельник и четверг — самбо, суббота и воскресенье — вождение. Немецкий и английский в школе, по программе, и плюс самостоятельно. Остальные предметы, как положено, по программе в своей школе. Так что нагрузка не великая. Надеюсь, справитесь.

Он объяснил, где будут тренировки, где обучение вождению, потом позвонил тренерам, рассказал о стажерах, пожелал успеха, пожал руки, и на этом расстались. Только выйдя из кабинета, они вспомнили, что забыли отдать подарки.

Вернулись. Вручили. Полковник был удивлен. Поставил красивую чайную пару из мейсенского фарфора на стол. Чувствовалось, что ему понравился подарок, он слегка растерялся, и, как показалось Павлу, исчезла на время службистская строгость.

Павел спросил, можно ли такой же подарок передать генералу. Полковник кивнул, сказал: «За мной», и они, пройдя по коридору, поднялись на другой этаж и вошли в приемную.

— Доложите, как положено по форме, кратко и четко, что, мол, прибыли, задание выполнили, готовы к выполнению очередных заданий, — подсказал полковник. — А я тут подожду.

Тот же, что и в предыдущие разы, лейтенант доложил о них, кивнул: «Проходите».

Генерал выслушал доклад, вышел из-за стола, пожал ребятам руки, сказал, что молодцы, что так держать, повторил то, что говорил полковник про тренировки и вождение. От себя добавил: «Языки, языки и еще раз языки. Когда будете думать на языке, причем делать это само собой, естественно, только тогда можно считать, что более-менее знаете его». Сказал, чтобы, если будут вопросы, обращались. Без стеснения.

Ирина, смущаясь, преподнесла чайную пару, чуть другую:

— Нам очень хотелось привезти вам маленький сувенир. Увидели вот это в Мейсене.

Он так же, как полковник, удивился, подарок взял. Рассмотрел, сказал, что красиво, что умеют делать. Поблагодарил. Вошел лейтенант, сказал, что через пять минут совещание, они попрощались, вышли.

3

Весь пол в зале был покрыт брезентовым чехлом, под которым лежали толстые, как матрасы, маты. Мужчин было восемь. Женщин две. Кроме Ирины — крепкая, жилистая с короткой стрижкой, темно-русая, лет двадцати пяти. Инструктор вошел, когда старший группы, как он сказал, капитан, построил мужчин в один ряд, а женщин попросил встать чуть поодаль.

Инструктор увидел девушек, тяжело вздохнул, посмотрел жалостно, развел руками, снова вздохнул, потом сказал, что раз начальство приказало, то будем заниматься вместе, но в разных сторонах зала, а разминка будет общая. Сказал, что разминка будет один час, чтобы мышцы, связки и суставы разогрелись и не повредились потом, при отработке приемов и в спарринге.

Разминка была действительно классной. Павел некоторые упражнения делал впервые и понимал, что они не случайны. После серии несложных растяжек на месте остальные делали сначала во время ходьбы по периметру зала, а в конце — на бегу. Потом тренер скомандовал, все перестроились по трое в ряд, и начались кувырки, затем тренер скомандовал: «Теперь подъем головы с разгибом», увидел, что некоторые не могут сделать. Строго сказал: «Кто пока не может, продолжайте делать кувырки, месяца через три-четыре получится».

Потом было сальто вперед, потом назад, потом колесо, потом снова кувырки. Только четверо из восьми смогли сделать все упражнения. Из них были обе девушки.

Павел не удивился — он гордился, что Ирина серьезно занималась спортивной гимнастикой. А вот он, кроме кувырков, из этой серии упражнений сделать ничего не смог. Когда разминка закончилась, инструктор скомандовал:

— Перерыв пятнадцать минут.

Народ попадал на маты и лежал, пока не последовала команда «встать».

Снова построились. Инструктор отвел девушек к стене, вдоль которой были подвешены огромные, выше человеческого роста кожаные мешки, набитые, должно быть, резиновой крошкой или песком. Сказал:

— Девушки, не жалейте их. Когда порвутся, поменяем. А пока лупите изо всех сил. Отрабатывайте силу удара и резкость. Только берегите связки и суставы. Я покажу как.

Он показал, какие удары отрабатывать, объяснил, что и как надо делать, какие травмы могут быть, если делать неправильно. Уходя к мужчинам, прошептал:

— Буду следить. Потом расскажу про ошибки.

С мужчинами разговор был долгий. Инструктор рассказал, в какой последовательности будут отрабатывать. Сказал, что вначале, чтобы не покалечились, будет обучать их спортивному самбо. Объяснил, как себя вести в схватке, что запрещено делать, а что можно, как падать и многое, многое другое. Потом разбил на пары и сказал:

— Сейчас увидим, кто на что способен. Сделаем, так сказать, предварительное ранжирование, — и предложил бороться. Схватка — пять минут.

Соперником Павла оказался мужичок постарше его лет на шесть, примерно такого же роста, но плотнее. Вес у него был килограммов на семь больше. Павел, уже будучи капитаном, начал заниматься всерьез дзюдо, а вот спортивным самбо давно не занимался. Хотя разница и не большая, но для начала решил потянуть время, посмотреть, на что способен противник. От захватов легко уходил, а когда понял, что противник не очень, сделал подсечку, перевел борьбу в партер, быстро уложил его. Потом стал наблюдать за остальными.

Инструктор подошел, отвел в сторону, спросил, чем занимался, откуда знает приемы. Павел понял, что прокололся. Сказал, что смотрел соревнования и вообще любит этот спорт. Тренер хмыкнул, сказал: «Ну-ну, а девушка-то твоя производит впечатление спортивно более подготовленной. Очень даже лихо сальто и другие упражнения делала. Гимнастикой, что ли, занимается?».

— Спортивной, — кивнул Павел.

— Попроси, пусть тебя натаскает, а то неловко парню не делать того, что делает девушка. Да и по мешку колотит на совесть. Того гляди труха из него полетит, — кивнул он в их сторону. — Да вот только неправильно все они делают. — Встал, направился туда, по дороге командуя:

— Отставить! Прекратить тренировку! В одну шеренгу становись!

Когда подошел, они уже стояли по стойке смирно.

Павел не прислушивался, но понял, что он поругивает их. Отчитывает, что невнимательно слушали его и смотрели, как он показывает.

— Вы что, хотите в расцвете лет стать инвалидами? Я вам что показывал? А вы как делаете!

Потом успокоился, приказал смотреть внимательно и медленно показал, как наносить удары кулаком, локтем, ногами. Объяснил, как могут получить травмы. Заставил каждую медленно повторить то, что показывал. Потом рассказать, как не делать. Потом еще раз повторить, как делать. Когда убедился, что делают правильно, кивнул головой и улыбнулся:

— Ну что же вы, такие красивые, такие спортивные и такие невнимательные. Запомните, это не шуточки. Эти приемы когда-нибудь могут спасти вашу жизнь. — Вдохнул, скомандовал: — Пять минут перерыв на осмысление и продумывание, затем снова отработка ударов. Медленно и в четверть силы. Не забывайте удары наносить, используя массу всего тела. Тогда это будет удар, а не поглаживание.

Вернулся к мужикам.

4

У Ирины и Павла в прошлой жизни была машина. Сначала, при социализме, в СССР, «МОСКВИЧ-412», потом — «Ситроен». Водили нормально. Без аварий и особых приключений. И все же однажды за городом чуть не улетели в мир иной. Павел Иванович за городом, особенно по дороге на дачу, чтобы скорее доехать, любил полихачить, вдавить педаль до пола. Так, чтобы было далеко за сотню. В тот раз на дороге, под горку, разогнался, потом, когда набрал скорость, на подъеме обошел всех, кто не догадался сделать так же. Метрах в пятидесяти старый «жигуленок» с проселочной дороги выезжал в город. Да, видать, не доглядел, что плотной вереницей едут большегрузы, да вдобавок с прицепами. Да так плотно, что не может он втиснуться между ними. Не пускают они его. Встал поперек дороги. Павлу Ивановичу никак не объехать. Всю полосу занял! Единственный вариант — свернуть в проселок, откуда тот выехал. А скорость большая. Он после перегазовки с четвертой скорости на вторую переключился, чтобы автомобиль резко скорость сбросил. На тормоза нажимает, машина юзом начинает идти, приходится отпускать, потом снова тормозит — опять юз. Выворачивает руль, чтобы свернуть на проселок — машина на два колеса становится, начинает переворачиваться. Ирочка на заднем сидении была, сообразила, на его сторону перепрыгнула, всем своим небольшим весом пытается поставить на четыре колеса. Удалось. Остановить авто у Павла Ивановича получилось, когда левое колесо зависло над глубокой канавой сбоку от дороги. По-другому не удавалось вырулить. С минуту постояли молча, потом он сдал назад. Развернулся, заглушил двигатель. Выдохнули. Тут к ним подбегает мужичок из того «Жигуленка». Трясется, извиняется.

— Простите, — говорит, — все понимаю, но сделать ничего не мог. Так случилось.

Павел Иванович махнул рукой, мол, чего уж теперь, слава богу, что обошлось. Ирочка ни слова за оставшуюся дорогу не проронила. А когда на дачу приехали, отдохнули, поужинали, говорит:

— Пашечка, будешь так гонять, больше с тобой не поеду.

Больше не гонял.

Теперь, когда сел за руль рядом с инструктором, вспомнил тот случай. Решил, что лихачить не станет.

Инструктор по вождению был, судя по всему, отличным специалистом. Объяснял не суетясь, подробно. Настолько подробно, что ошибиться было невозможно. Обговаривал каждое движение. Когда заводить, трогаться с места и останавливаться, «вроде как научились», перешел к более сложным этапам. Стали учиться загонять авто в гараж задним ходом. Когда освоили это, пересели на грузовик, потом на автобус. В гараже были автомобили всех марок. На

всех и учились водить. Не просто было им, умеющим водить, изображать из себя начинающих, но тут их не раскололи.

Под конец обучения добрались до «полицейского разворота». Этого делать они не умели и даже не пытались в первой жизни попробовать. Такое казалось невозможным и недостижимым.

Инструктор сажал рядом с собой. Каждого заставлял пристегнуться, объяснял, что будет делать. Не спеша показывал, спрашивал: «Понял?»

Каждый говорил, что понял.

— Теперь смотри, как буду делать. Не в лобовое стекло, а за моими руками и ногами. Смотри на переключатель передач, на ручник, на педали сцепления и газа и руль.

Каждый кивал.

Инструктор заводил автомобиль, разогнался до тридцати — сорока километров в час, потом... То, что было потом, ни с первого, ни со второго раза никто повторить не мог. Инструктор смеялся и высаживал.

Павел с Ириной не спешили сесть рядом с ним. Было понятно, что он просто глумится над недотепами.

Павел взял Иру под руку, отвел к скамейке, стоявшей вдалеке:

— Ириша, давай я буду говорить тебе, что надо делать, а ты делай. Потом поменяемся. Может быть, так до нас быстрее дойдет.

Павел все, что надо делать, записал и начал медленно читать:

— Разгоняешься до 40 километров. Правая рука на ручнике. Быстро, но плавно выжимаешь сцепление и отпускаешь газ. Одновременно левой рукой резко крутишь руль вправо на четверть оборота и потом мгновенно на пол оборота в другую сторону, и одновременно правой ставишь машину на ручник.

Как только авто повернулось градусов на 90, убираешь ручник, отпускаешь сцепление, чуть поддаешь газ и, рулем подкручивая вправо, выравниваешь автомобиль.

Раза с десятого у Ирины получилось. Медленно, но сделала всё.

Потом начали ускоряться. Через полчаса она начала сама говорить, что делает, и делать.

Потом поменялись. У Павла стало более-менее получаться раза с двадцатого.

Пока они тренировались, подошла их очередь садиться к инструктору. Первым пошел Павел. Смотрел в оба за тем, как делает инструктор, и мысленно сверял с тем, что он говорил, объясняя. Когда сел за руль, получилось с первого раза. Да, руль он немного не докрутил, но мгновенно исправился, подрулив уже при движении по дороге.

Инструктор приказал остановиться. Взял Павла за голову, притянул к себе и поцеловал:

— Умница! Ну, хоть один сумел! — восторженно радовался он.

Павел смотрел на него, улыбался:

— Сейчас будет еще одна такая.

— Дай-то бог, — продолжал радоваться тренер, — а то весь день впустую. Так, теперь еще раз.

Во второй раз у Павла получилось не хуже.

— Третий! — командовал инструктор.

Когда получилось, он пожал стажеру руку и еще раз поздравил с успехом.

— Когда получится у Ирины, вы её, пожалуйста, не целуйте, это моя девушка, — предупредил Паша.

Инструктор засмеялся:

— Я ей руки поцелую.

У Ирины, действительно, все получилось с первого раза. Даже лучше, чем у Павла.

— Учитесь! — показывал на них инструктор. — Соображайте, что и как делать надо, товарищи офицеры. Девушка — человек более вас эмоциональный, а делает лучше!

Когда занятие закончилось, инструктор попросил их остаться.

— А теперь колитесь, почему вам удалось, а остальным нет.

— Паша придумал не спешить садиться к вам, а отойти подальше от остальных, сесть на скамейку и делать медленно то, что надо. Он медленно читал, я делала. Потом, когда начало получаться и запомнила все до автоматизма, начала сама говорить и одновременно делать. Потом поменялись местами. Получилось, что все повторили раз по сорок, — рассказала Ирина.

— Вот и все.

— Молодцы, правильно придумали. Возьму вашу идею на вооружение, — согласился инструктор и печально продолжил: — Мне бы тренажер для этого придумать. Быстренько бы всех обучил.

— А что, — подхватил его предложение Павел, — давай попробуем. Я сделаю чертежи, а у вас в гараже, наверняка, найдутся старые списанные запчасти. Руль, педали, ручник, сидения, ну, а больше, кажется, ничего и не надо.

— Лады! — протянул ему руку инструктор, — завтра и займусь этим, а ты готовь чертежи.

5

В аудиторию вошел Иван Пантелеймонович. Внимательно обвел сидящих взглядом, заметил Павла, Ирину, почти незаметно кивнул им и поздоровался со всеми на пяти языках. Потом улыбнулся и продолжил на русском:

— На земном шаре множество народов или, как принято называть в науке, этносов. Более пяти тысяч. Говорят эти этносы более чем на семи тысячах языков. Но не пугайтесь, большая часть людей говорит всего-то на восьми десятках языков. И хочу вас еще обрадовать: если освоите сорок языков, то сможете общаться с семьей из десяти жителей планеты. Больше всего жителей Земли говорят на китайском и хинди. Но многие из них знают английский и испанский. Почему? А потому, что совсем недавно Китай и Индия были их колониями, и, воленс-воленс, жителям, а особенно правящим классам этих стран приходилось учить язык колонизаторов. Много жителей планеты говорят на арабском. Причины тоже понятны — мусульманство. Ну да ладно, сейчас не об этом. Это для общего сведения.

Я с вами поздоровался на нескольких языках. Они различны, но выражают одну мысль. Я пожелал вам здравствовать. У каждого народа есть свои особенности. И если не знать их, то вас легко обнаружат и будете раскрыты.

Ну вот, например, кто-то говорит: «В их дом пришла старуха с косой».

Что понимает иностранец, знающий русский язык, но не владеющий нюансами? Он понимает, что в дом пришла пожилая женщина с волосами, сплетенными в косу. И стоит этому шпиону сказать что-то для поддержания разговора, даже если он говорит безо всякого акцента — обязательно попадетсЯ. Потому что пришла в этот дом смерть, а не бабушка с заплетенными волосами. И таких тонкостей в каждом языке множество. И чтобы их понимать, надо немало, ох как немало знать про этот народ, про страну, в которой этот народ живет. Знать его быт, его легенды, его поэзию. А почему поэзию? И вообще вы знаете, кто такие поэты? Нет, это не те, кто пишет в рифму. Те, кто так делает, те рифмоплеты. Они самозванцы. Называют себя поэтами, а сами всего-то рифмоплеты. Настоящие поэты — это те, кто острее других чувствует беды и каждого человека, и всего мира, и находит такие слова, от которых остальным становится не по себе от этих бед. Кто-то сказал, что поэт — это человек без кожи, он в тысячи раз острее чувствует и понимает, что происходит, и говорит об этом такими словами, что у обычных людей перехватывает горло и начинает болеть сердце. Читайте стихи настоящих поэтов и кое-что поймете об их народе, поймете глубоко, сольетесь с этим народом, станете его частью.

У настоящих поэтов есть секреты, спрятанные в стихах. Не просто разгадать их тайны. Я нашел ответы на две загадки, оставленные нам, и очень горжусь этим. У раннего Маяковского есть всем известное стихотворение. Называется «А вы могли бы?»:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочёл я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Непонятно мне было — что в этом стихотворении за «жестяная рыба», что за зовы новых губ он прочел на её чешуе. Простое, вроде бы, стихотворение, а ответа у меня не было. Не давало это покоя. И вот однажды иду по улице — гляжу, два крепыша тащат на свалку старую кровать, а у неё панцирная сетка не как обычно: посредине проволочная сетка, а по периметру пружины, а по-другому. В середине — жестяные пластины, скрепленные кольцами. И очень все это мне напомнило... и вдруг осенило! Да это же и есть «чешуя жестяной рыбы»! Понятным и очевидным стало, что именно на такой чешуе и прочел поэт «зовы новых губ». А где же ещё молодому поэту слушать шептание влюбленных в него красавиц? Отгадал эту загадку и горжусь расшифровкой тайны, спрятанной поэтом в стихотворении.

А вот стихотворение другого, не менее гениального поэта — Мандельштама:

Холодно розе в снегу:
На Севане снег в три аршина...
Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани,
Сытых форелей усатые морды
Несут полицейскую службу
На известковом дне.
А в Эривани и в Эчмиадзине
Весь воздух выпила огромная гора,
Ее бы приманить какой-то окариной
Иль дудкой приручить, чтоб таял снег во рту.
Снега, снега, снега на рисовой бумаге,
Гора плывет к губам.
Мне холодно. Я рад...

Что за гора в этом стихотворении, — понятно. В Армении главная гора — Арарат, хотя она, увы, теперь в Турции. А вот почему «Гора плывет к губам» и чему поэт радуется? Мне было непонятно. Долго не мог понять, и вдруг сложилось: Гора у поэта плывет к губам — это же, слова. Поэт придумал слова — «Я рад». Он нашел рифму к горе: Арарат — и рифма к этому — «Я рад». Вот и приманил окариной, дудкой приручил!

Эти две тайны, которые мне удалось разгадать, в этот раз вам рассказал. Читайте поэтов, если хотите понять страну и вжиться в неё. И тогда вас сложнее будет вычислить в этой стране. Да и свой кругозор расширите. Мир для вас станет объемнее, глубже сможете его понимать и чувствовать. Не считайте стихи пережитком романтических субтильных юношей. Стихи — это бомба с зажженным фитилем, способная разрушить целый мир, а поэт держит её в руке.

Много еще чего интересного рассказывал в лекции Иван Пантелеймонович. Слушали его, затаив дыхание. Никто ни с ними, и другими стажерами, и с офицерами, которых было тоже немного, но и немало, прежде так не разговаривал. Казалось, какое отношение эта лекция имела к их конкретной, профессиональной будущей работе? А большинство поняло, что очень даже имела. И к работе, и к жизни...

После лекции Павел и Ирина дождались, когда остальные разойдутся, подошли, обняли старика. Попросили разрешения проводить и вместе пошли по вечерней Москве. Слушать его для них было не просто интересно и полезно. Для них это было радостью, если не сказать счастьем.

На приглашение зайти и попить чаю они отказались. Сказали, что уже поздно, что будут волноваться родители. Договорились зайти как обычно, в выходной день, чтобы рассказать о своих новостях, а заодно приготовить еду.

На обратном пути Павел обнял Ирочку и заговорил:

— Миленькая моя, если бы ты только знала, как мне тебя не хватало там, в той жизни. Когда тебя не стало, только тогда понял, что ты для меня значишь. Я давно понял, что мужчины глупее женщин, что мы примитивнее, проще. Думаем, что если жена рядом, то уже и счастье, что больше ничего и делать-то не надо. Что все, что надо для семьи, уже сделано. Все цветы подарены, все добрые слова сказаны. Только когда тебя не стало, понял, что самые главные слова не успел сказать. Понять-то понял, а сказать их, эти слова, было уже некому. Ругал себя, что не был с тобой часто ласков, что не делал какие-нибудь, хотя бы маленькие подарочки, которые грели бы тебе душу, напоминали, что я тебя люблю, все время помню о тебе. Я тогда считал, что главное — это обеспечить семью едой, деньгами, ну и тому подобное, а главного-то не понимал.

— Пашечка, а я смотрю, удивляюсь и часто не понимаю, ты ли это или другой человек. Более заботливый, ласковый, нежный. Сначала думала, что это потому, что стала молоденькой девочкой, потом поняла: нет, не поэтому. Поняла, что это ты, прежний ты, но только сильно изменившийся. Я тогда, в той жизни, обижалась на невнимание. На то, что не понимаешь меня, не слышишь, но не говорила, потому что любила тебя. Надеюсь, что поймешь. Ты делал все, что мог. Я это понимала, видела, когда была в больнице, как ты хочешь помочь, как привозишь на консультации профессоров, покупаешь дорогие лекарства. Ничто из этого уже не могло помочь, но была приятна твоя забота. А теперь, что ни скажу, ты слышишь. Иногда даже слышишь то, чего и не говорю, а ты уже догадываешься. Я тебя, Пашечка, очень, очень люблю.

Ирочка обняла Павла, прижалась к нему, заплакала и долго-долго не выпускала из объятий.

— Ирочка, что случилось, ты почему плачешь?

— Это от счастья, что Бог нам дал эту вторую жизнь. Давай постараемся прожить её интереснее. Сделать то, что хотели, но не могли тогда.

— Конечно, любимая, — улыбнулся Павел, — уже делаем. Я всегда буду с тобой. Нет большего счастья, чем это.

6

Как промчался год, они почти не заметили. За постоянными тренировками, вождением, изучением языков, да и обычной школьной учебной работой началась осень. Последняя осень их школьной жизни.

Кроме английского и немецкого в школе, они стажировались на курсах. Там были эти языки и, дополнительно, французский.

Тренировки стали частью жизни настолько, что, когда отменялись по каким-то причинам, приходили в зал и делали спарринги между собой.

На вопрос, когда будет экзамен по вождению, полковник сказал:

— А вот наступит самая мерзкая погода, так сразу и будет. Так что готовьтесь: в самый гололед и снежные заносы — остановкам на подъеме и спуске с заглушкой двигателя, а потом трогаться с места. Готовьтесь загонять задом грузовик без стекол заднего вида. Езде с пробитым колесом. Будут и любые другие гадости. Пока есть возможность, тренируйтесь. Спуску не дам.

Потом спросил: — Дорогие мои, зачем вам спешить, водить-то сможете, только когда отпразднуем ваши восемнадцать лет?

Ребята кивнули, а полковник добавил: «Хотя на мотоцикл сдавайте. Хоть на следующей неделе. Им можете пользоваться с шестнадцати лет. Тут мучить не буду. Зимой на мотоциклах только отчаянные гоняют. Обморозиться легко. Так что, сами напросились, во вторник после школы приходите».

В «Волге» полковника поехали за город, как он сказал, на танкодром. В ангаре, возле стены стояло несколько мотоциклов, накрытых брезентовыми чехлами. Остальное пространство заполнили автомобили разных марок, среди которых было немало иностранных, таких, какие Павел и Ирина видели только в первой жизни да на картинках в журналах.

— Вот таково каково с цикорием, — усмехнулся полковник, увидев удивленные физиономии школьников, и, сделав широкий жест рукой, предложил: — Выбирайте!

К Ирине полковник не придирался. После многочисленных безупречных проездов по белой прямой линии, змеек, поворотов, маневров на скорости, восьмерок и габаритных коридоров, по параметрам значительно жестче допустимых требований, полковник посмотрел на часы:

— Молодец, уложились и по времени, и по качеству исполнения. Ни одной ошибки. И рукой подавала знаки, как положено. А главное, уверенно. Сдала. Права получишь после того, как сдашь правила, но в этом я не сомневаюсь. А вообще, советую как можно реже водить эти двухколесные агрегаты, а лучше подальше от них держаться. Уж очень аварийность велика.

Пожал Ирине руку и, задержав рукопожатие, прошептал:

— Будь, дочка, очень осторожной, береги себя, очень прошу.

Ирина от этого строгого, сдержанного человека таких слов услышать не ожидала, инстинктивно обняла его, поцеловала в щеку и прошептала:

— Спасибо, я постараюсь. Вам большое спасибо за все. Мы с Пашей вас очень, очень уважаем. Спасибо.

Полковник отпустил Ирину руку, кивнул:

— А теперь, Павел, прошу вас. Все, то же самое, но время для выполнения сокращу на четверть.

Павел уложился.

— А на одном, заднем колесе повторить сможешь?

Павел удивленно поглядел на полковника:

— А зачем? Толку-то от этого никакого. Одни понты.

— Молодец! Именно это я хотел услышать, но, честно сказать, услышать не ожидал. А все-таки сможешь? В жизни всякое бывает. Вдруг колесо пробьет или просто отвалится.

— Попробую.

Павел на небольшой скорости проехал круг, когда понял, как удерживать равновесие, поднял мотоцикл и аккуратно (это было видно и полковнику, и Ирине) последние метров десять завершил на заднем колесе.

— Поздравляю, экзамен по вождению сдал успешно. Отгоняйте мотоциклы в ангар, жду вас в машине. Теперь, чтобы не тянуть время, поедem в ГАИ. Ваши фото для прав и все прочее у меня с собой.

Через два часа шестнадцатилетние Павел и Ирина были с правами. Полковник по-отечески распрощался с ними, сказал, что лучшее средство передвижения — это ноги, а потому их, как и весь организм, надо беречь, и уехал.

7

Ирина настаивала, чтобы они вместе встретились с генералом и рассказали ему, что будет осенью следующего года, но Павел был категорически против.

— Ирочка, непонятно, как он отреагирует. Можно ожидать любых поворотов, а потому встречусь с ним один. Более того, если, вдруг, пойдет не так, как мы надеемся, то будешь говорить, что ничего ни о каком разговоре не знаешь. Удивишься, скажешь, что я с тобой ничего, ни о каком заговоре никогда не говорил. Да и вообще, какой заговор может у нас в стране быть, да и зачем. Это же какая-то чепуха. Мы все дружно строим коммунизм. Это на Западе могут быть какие-то заговоры и прочие капиталистические выверты империалистов. Очень тебя прошу, подготовься на всякий случай основательно, чтобы никакой наигранности не было, чтобы держалась естественно и правдоподобно.

— Пашечка, может быть, не надо ввязываться в такую авантюру. Знаешь же, что паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Как будет, так и будет. Как-нибудь потихонечку проживем.

— Нет, миленькая, потихонечку не получится. Если генерал примкнет не к Брежневу, то вылетит из комитета, и не станет единственного человека, на которого мы можем рассчитывать в продвижении.

— Ты, Паша, к нему в кабинет не приходи. Вдруг у него установлена прослушка. Конечно, вряд ли, но кто знает. Дождись, когда будет выходить. Ты же знаешь его машину. Возле неё и поговори. А еще лучше, предложи прогуляться, например, по скверу возле Политехнического музея до Китай-города.

— Я генералу прогуляться? Он же не девушка.

— Вот! — ухватила за фразу Ирина. — Я к нему пойду. Предложу пройти и все изложу.

— Нет, родная. Я уже подготовился к разговору. — Павел продолжил шепотом: — Несколько дней не будем встречаться. После тренировки завтра при всех поссоримся. Скажешь мне, что больше знать не хочешь и чтобы я не смел к тебе приближаться. А через два дня после этого я постараюсь с ним встретиться.

Через два дня Павлу не пришлось долго ждать. Генерал вышел в восемь часов вечера. Один. Направился к черной «Волге», подкатившей к входу в Фуркасовском переулке. Возле машины Павел и подошел к нему.

— Товарищ генерал, извините, что обращаюсь не как положено, но у меня сведения, которые могут быть значимы для безопасности страны и вас лично.

Генерал посмотрел на него, кивнул на машину, сказал:

— Садись, по дороге расскажешь.

Павел был готов к такому предложению:

— Давайте лучше не в машине. Я по дороге расскажу. Опять же секретность, — Павел кивнул на водителя.

— Все так серьезно?

— Более чем. — Павел всерьез разволновался. Генерал увидел это, улыбнулся: — Что-то я действительно давно не гулял по вечерней Москве.

Нагнулся к переднему стеклу, сказал водителю, чтобы ждал его на Китай-городе, возле перекрестка Солянки и Большого Ивановского. Потом хмыкнул, добавил:

— Два года прошло, а никак не привыкну, что Большой Ивановский переулок переименовали в улицу Забелина.

Водитель улыбнулся:

— Я, товарищ генерал, тоже постоянно себе напоминаю. А может, сразу за Политехническим музеем? Там удобнее.

Генерал кивнул:

— Давай, там действительно удобнее.

Машина уехала.

— Товарищ генерал, не посчитайте меня сошедшим с ума или чего-нибудь в этом роде.

Генерал был в хорошем настроении, приобнял стажера:

— Паша, дорогой, мы не на концерте классической музыки, давай без прелюдий. Сразу и по существу.

— Тогда так. — Павел забыл все домашние заготовки, с секунду собирался с мыслями, потом заговорил: — Вот уже полгода, как я, занимаясь английским, читаю их газеты. Начал со старых, постепенно добираюсь до самых последних. В процессе обнаружил, что если статьи анализировать по алгоритму, который в процессе чтения придумал, то можно на основе имеющейся информации прогнозировать. Сначала было легко. Читаю и анализирую то, что было давно, потом смотрю, что произошло. Когда ответ уже стал известен, то понятно, с чего началось. Так вот, постепенно стало получаться предсказывать, что будет, а потом это случилось. Потренировавшись на их газетных материалах, захотелось попробовать, а получится ли на наших. Получилось! Теперь самое важное. Данные моего анализа показывают, что примерно через год, осенью шестьдесят четвертого года, Хрущева сместят с должности. Его авантюры с установкой ракет на Кубе, чуть не приведшие к ядерной катастрофе, — это почти последняя капля, которая вызвала его отторжение у многих. Авторитет его начал падать со времени, когда передал управление народным хозяйством из центра в края и области, в совнархозы, и это привело к падению производства. Неверные действия в сельском хозяйстве. В стране проблемы с продуктами. Народ очень недоволен. Людям еды не хватает. Строительство панельных пятиэтажек сначала вызвало подъем настроений у людей, а теперь, когда плохое качество и неудобные квартиры стали требовать ремонта, вызывают недовольство и критику. Большая часть населения возмущена и самим Хрущевым, явно зазнавшимся, не терпящим критики, и его бездарной политикой. Но народ народом, а руководители на местах тоже недовольны.

— Это что, Паша, тоже в наших газетах написано? — усмехнулся генерал.

— Так точно, написано. Только не впрямую. А если внимательно прочитать, то за критикой местных руководителей отчетливо просматривается, что это не их вина, а вина центра. Самого верха системы управления. Над коммунизмом, который наступит в 1980 году, люди откровенно смеются. А это уже падение авторитета партии, её роли. Это уже почти катастрофа. Из моего анализа следует, что ближнее окружение Хрущева должно готовить его смещение. Потому что он становится опасным для всей системы. Для каждого из них. Данные говорят, что это будет не авария и не «смерть вырвет из наших рядов пламенного борца», а просто отправят на пенсию. Возраст. Теперь почему через год, осенью. Да просто в это время после летней страды он обычно отдыхает на Черном море, а значит, далеко от центра и, следовательно, не может полностью держать все в своих руках. Самое время. Ну, есть еще много причин, но не принципиально. Товарищ генерал, я вас очень уважаю. Вы уже многое для меня сделали. Как только придет новый глава государства, сами знаете, начнутся смещения в системе управления. Особенно у нас в комитете.

Генерал после слов «у нас» взглянул на Павла и улыбнулся. Тот замолчал.

— Продолжай, я слушаю.

— Ваш шеф, Семичастный Владимир Ефимович, по моей аналитике, будет активно участвовать в смещении Хрущева, а значит, вскоре уберут его самого.

Генерал удивился:

— Это почему? Если, как ты говоришь, что будет помогать новому руководству, то почему его уберут? — засмеялся он.

Павел ответил очень серьезно:

— Потому что, единожды предав... Очень опасен на такой должности такой человек. Но сразу не тронут. Постепенно будут убирать. Не просто на такую должность подобрать правильного руководителя. Года три еще после Хрущева будет во главе комитета.

— Не по годам глубоко рассуждаешь, Пашенька. А скажи мне, мудрый товарищ стажер, из твоей аналитики понятно, кто придет к власти? Кто станет первым секретарем ЦК? Или это загадка неразрешимая?

— Да. — Павел посмотрел в глаза генералу. Увидел, что тот весьма серьезен и внимателен. — Очень захочет прийти Шелепин. Он, вы это и без меня знаете, продвинул Владимира Ефимовича на эту должность, но у него не получится. Всех гораздо больше устроит Брежнев. Если бы не болезнь, то скорее всего был бы Фрол Романович Козлов. Но... Теперь Брежнев.

— Леонид Ильич? — искренне удивился генерал, но тут же спохватился: — А ведь правильно, так и должно быть. Он же сейчас председатель Президиума Верховного Совета СССР, номинально глава государства. — Генерал всерьез заинтересовался: — А кто в нашей конторе будет главным?

— Вместо Семичастного будет Андропов. Причем будет, по моим прогнозам, долго. — Павел взял генерала за руку, чего прежде никогда не делал: — Товарищ генерал, пожалуйста, отнеситесь к этому разговору очень серьезно. Вам необходимо стать своим человеком для Брежнева и Андропова. Вы же с ним еще по Венгрии знакомы. Я видел такую информацию. И с Леонидом Ильичом во время войны. Это не для меня надо, это надо для страны. Так правильно.

— Знаком. Был неплохо знаком. А теперь не знаю. Поживем, увидим, — задумчиво произнес генерал.

Стояла поздняя весна. Запах расцветшей сирени делал город уютным, домашним. Но то, что было сказано, настораживало, не позволяло расслабиться, скорее наоборот, заставляло сосредоточиться, не ошибиться, принять правильное решение. Павел украдкой посмотрел на генерала. Выражение его лица почти не изменилось, но он понял, что решение тот принял. По скверу уже прошли длинное здание Политехнического музея. За ним в укромном месте стояла черная генеральская «Волга» и скучал водитель.

— Тебя подвезти? — спросил генерал.

— Спасибо, не надо. Мне отсюда недалеко. По мосту через Яузу и дальше до Таганки.

— Спасибо, Павел, — генерал хотел что-то еще сказать, но Павел опередил:

— Я ничего не говорил, не делал никакой аналитики, разве что чуть-чуть по американским и английским газетам и журналам про ситуацию у них.

— Как подготовка к школьным экзаменам и поступлению в МГИМО?

— Все в порядке. Готовимся основательно. Надеемся поступить.

— Поступите. Обещаю! Но темпы не снижайте. Поступить — это только начало. Многие думают, что это финал, что счастливый билет до конца жизни получен, а это только начало. Удачи!

Машина уехала, а Павел не спеша пошел по знакомой дороге. Волнение переполняло, будто он не восьмидесятилетний старик, а молодой мальчишка. Хотя так оно и было: здесь-то ему семнадцать лет.

8

В середине июня, отлично сдав выпускные экзамены, Павел и Ирина получили аттестаты и золотые медали. Перед тем как подавать документы в МГИМО, они пришли к полковнику, чтобы доложить о получении документов, показать их, медали и получить то ли разрешение, то ли одобрение на поступление в МГИМО.

Доложили по форме. Полковник, увидев их, вышел из-за стола, пожал руки, поздравил. Как обычно, внимательно изучил аттестаты. Вернул.

— Не было за мою службу такого случая. Вы первые. Значит так. Я заранее изучил, что и как делается в подобных ситуациях, — начал он, — служить вы у нас служили, так точно, — служили. С четверга, с первого июня 1961 года, то есть два года. Обучались, за время службы, так точно — обучались. Организация у нас военная, так точно — военная. Звания у вас есть, так точно — рядовые. Вот вам военные билеты. В них соответствующие сведения о службе и об обучении. А вот вам и характеристики для предъявления по месту поступления на учебу. За подписью моей и генерала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.